

«Казахстанское китаеведение, живущее, скорее вопреки, чем благодаря государственной политике, за счет обширных контактов с Китаем и больших размеров экономики, выглядит более успешным на фоне других республик региона. Однако, если сравнивать его с российскими показателями, то очевидно, назвать школой несколько разрозненных китаеведов, никак нельзя», — отмечает в своей статье, написанной специально для аналитической платформы CABAR.asia, политолог, эксперт по Китаю Адиль Каукенов.

[English](#)

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)

Краткое изложение статьи:

- Сложившихся специалистов, которых в полном значении слова можно назвать китаеоведами, на сегодня в Казахстане крайне мало;
 - Слово «китаеведение» размыто с точки зрения научно-понятийного аппарата;
 - Несмотря на узость аналитического рынка и потребность в специалистах по международным отношениям, спрос на востоковедение, китаеведение и, в целом, на китайский язык в Казахстане идет только на увеличение;
 - Экспертный и научно-аналитический пул рассматривается чиновничьим корпусом прежде всего, как инструмент, обслуживающий интересы пропаганды, но уж никак не в качестве «советника».
-

Тема Китая уже многие годы популярна в Казахстане: накопилось большое количество различного рода публикаций, научных монографий, сборников статей. Помимо этого, конечно же, прошло огромное количество научно-практических конференций и круглых столов. Это стало своего рода симметричным ответом на жгучий интерес к одному из главных экономических партнеров Казахстана – Китаю. Тем не менее говорить, о том, что высказываемые в подобных публикациях мнения и интерпретации тех или иных фактов, или цифр можно оценить, как компетентные, чаще всего, к сожалению, не приходится.

Проблема в том, что качественную экспертизу по Китаю составить могут сегодня далеко не все, а вот пытаются это сделать, полагаясь зачастую лишь на свое субъективное мнение, очень и очень многие.

Это собственно и есть краеугольный камень всех проблем современного казахстанского китаеведения: спрос (со стороны общества, СМИ, бизнеса) неизбежно рождает предложение, но вот адекватность высказываемых точек зрения в 90% случаев оставляет желать лучшего.

Критерии китаеведа: три кита

Отсюда возникает вопрос: кого сегодня можно с уверенностью квалифицировать как профессионального китаеведа. Сложившихся специалистов, которых в полном значении слова можно назвать китаеведами (по-китайски 专家), на сегодня в Казахстане крайне мало. Из активно работающих и способных дать качественную аналитику по тем или иным аспектам китайских реалий можно назвать лишь 7-8 фамилий. Тут необходимо сразу оговорить, кого можно назвать китаеведом. Потому как, повторимся, во время всплеск интереса СМИ к китайской теме специалистом по Китаю называется любой и каждый. В соответствии этим, нужно обозначить общемировые принятые компетенции и критерии китаеведа.

Первый и, несомненно, важнейший критерий, это, конечно, знание языка на должном уровне. Только знание языка позволяет читать литературу и СМИ, ориентированные не на внешнюю публику, а на внутренний медиа-рынок; отслеживать настроения в социальных сетях; заводить инсайдерские источники; понимать настроения и дискурс Китая.

И это не говоря уже о таких неосязаемых вещах, как ментальность, культура, психология: ключом к которым является только хорошее знание языка. Человек, который судит о Китае из статей других экспертов, проводящих собственные полевые исследования — это, в лучшем случае, хороший плагиатор. Он пересказывает чужие мысли в своей интерпретации, но не имеет доступа к реальным источникам. В худшем — это личность с сомнительными моральными устоями, выдающая обывательское мнение за экспертное.

Это опять же возможно в современном Казахстане благодаря депрофессионализации международной журналистики и СМИ в целом. Ведь именно эти структуры готовы публиковать мнение почти любого «исследователя», готового доступно представить свои мысли «за Китай». В итоге — очень часто именно такие специалисты получают широкую известность.

Второе. Знания языка, естественно, мало. Лингвист — это еще далеко не китаевед. И

даже талантливый переводчик – это еще не китаевед. Соответственно, другим важным качеством китаеведа является регулярное посещение Китая с исследовательскими целями. Дело в том, что страна стремительно меняется и это отмечают абсолютно все, кто знаком с китайскими реалиями. Даже язык эволюционирует буквально на глазах. Исчезают или меняют свое значение старые термины и появляются новые. Буквально на глазах меняется политическая и экономическая система, которую практически невозможно ощутить извне либо легко понять превратно. Китайское общество, огромная часть процессов в котором становится все более завязанной на общение в Интернете и, в целом, на мобильные технологии, разительно отличается от общества не только десятилетней, но и пятилетней давности. И такие же изменения коснулись практически всех сфер жизни КНР и очевидно, что еще через несколько лет Китай будет опять же разительно отличаться от сегодняшнего.

Учитывать все это, постоянно сидя в своем казахстанском офисе или же изредка наведываясь в КНР на англоязычные или русскоязычные конференции, абсолютно невозможно. И соответственно, крайне сложно представить грамотную экспертизу того, что же сейчас происходит или будет происходить в Китае.

Третье. Однако знание языка и частые поездки в Китай – это, разумеется, далеко не достаточный набор для того, чтобы называться китаеведом. Бизнесмен, едущий в Китай за товаром и обратно, даже при условии великолепного владения языком, конечно, никаким китаеведом не является.

Поэтому следующим однозначным критерием китаеведа является вовлеченность в научную деятельность, что предлагается, в частности, наличие достаточного количества публикаций научного характера, имеющих ссылки на релевантные источники и получивших соответствующую оценку со стороны научного и экспертного сообщества.

Иными словами, если специалист имеет доступ к необходимым и ключевым источникам информации о Китае (который открывается путем чтения литературы, общения с китайцами, посещения Китая) и, наконец, умеет получаемые знания грамотно интерпретировать и использовать для создания исследований, соответствующих критериям хорошей научной работы, тогда такого специалиста вполне можно отнести к профессиональным китаеведам.

Вот три базовых критерия, так сказать, три кита, на которых как минимум должно держаться имя китаеведа. Это даже не учитывая таких нюансов как профильное образование, наличие ученой степени по данной тематике, контакты в китаеведческом сообществе и вовлеченность в экспертные круги.

Важно также понимать, что само по

**себе слово «китаеведение» при этом
очень размыто с точки зрения научно-
понятийного аппарата.**

То есть китаевед должен иметь еще какую-то конкретную специализацию по определенной теме, например, по экономике, культуре, политике, безопасности, истории и т.д. Профессиональные китаеведы — это, безусловно, понимают и сразу обозначают сферу или сферы своих научных интересов.

Трудно стать, тяжелее остаться

Необходимо отметить, что в Казахстане наблюдается ярко выраженный диссонанс. С одной стороны, интерес к Китаю вроде бы присутствует буквально шквал публикаций, но при этом устойчивых фамилий, как мы уже отметили, всего несколько. И огромное количество авторов-однодневок, которые, на самом деле, либо не являются китаеведами, либо не смогли удержаться в профессии.

Научное обоснование или же аналитическая экспертиза занимают последнее место в рамках приоритетов в системе принятия решений либо отсутствуют полностью. Фото: sputniknews.kz

Отметим, что удержаться в профессии действительно тяжело, и это связано не столько даже с собственно с китаеведением, сколько с кризисом общей научной и аналитической мысли в Казахстане. Этот факт достаточно легко объясним. В связи с

жестко авторитарной системой власти в Казахстане, центр принятия решений крайне узок. Соответственно, мало настоящих decisionmaker-ов (лиц, принимающих решения), которые нуждаются в аналитической информации, в частности, по Китаю, для принятия максимально взвешенного решения, за которое придется нести ответственность.

Весьма показательным трендом последнего десятилетия в Казахстане является то, что все чиновники – от мала до велика – к месту и не к месту все решения связывают с именем президента РК Нурсултана Назарбаева, тем самым снимая с себя всю ответственность и перекладывая ее на главу государства.

А собственно говоря, аналитика нужна именно для того, чтобы решение получилось максимально взвешенным. Но если ответственность никакая не предусмотрена, а чаще предусмотрена коллективная безответственность, надежно застрахованная от внимания общества драконовскими законами о СМИ, то соответственно какое-то серьезное вникание в ситуацию не является каким-то жизненно необходимым инструментом, на которое стоило бы выделять средства.

Помимо этого, в Казахстане наблюдается серьезная депрофессионализация высшего управленческого звена, где целыми отраслями приходят руководить люди, не имеющие к этой отрасли никакого отношения и не имеющие в ней никакого практического опыта.

Тем самым рынок аналитики в Казахстане настолько скукоженный, настолько мал, что удержаться в нем достаточно трудно, так как количество финансов весьма ограничено, а конкуренция довольно высокая. Плюс постоянная ротация в ведущих аналитических центрах, часто влекущая за собой тотальную смену кадров, не дает устояться кадрам и школам.

Китаеведы-практики: количество перейдет в качество

Несмотря на описанную выше узость аналитического рынка и потребность в специалистах по международным отношениям, спрос на востоковедение, китаеведение и, в целом, на китайский язык в Казахстане идет только на увеличение. Другое дело, что подавляющее большинство, естественно, ориентируется не на науку, а на прикладные отрасли, в которых действительно существует тяжелейший дефицит кадров.

Если политология, при всем при том, сумела обеспечить себя рядом признанных в международном сообществе специалистов, то такие сегменты как китайское право, экономика, китайский менеджмент, китайская е-коммерция, логистика, культура и даже, как ни странно, бизнес, характеризуются отсутствием хоть каких-либо известных имен.

Люди чувствуют этот вакуум, поэтому на факультеты и курсы китайского языка хлынул вал желающих. Но еще большее количество молодых людей стремится уехать в Китай на учебу.

Интересен тот факт, что активное участие Казахстана в китайской инициативе «Один пояс – Один путь», ежегодно увеличивающийся объем и качество казахстанско-китайского экономического сотрудничества уже на сегодня уперлось в потолок отсутствия специалистов. Создание сложных совместных производств невозможно без широкого выбора специалистов различного профиля, для которых китайский язык является всего лишь одним из навыков. Гораздо более важными знаниями здесь должны быть владение стандартом китайского производства, менеджмента, культуры и взаимоотношений в коллективе. Причем данным навыкам невозможно научить только в университете. Должно смениться, как минимум, поколение людей, проработавший на реальном производстве и в реальном секторе, чтобы передать полученные знания новым выпускам университетов или молодым специалистам в компаниях.

Образование в Китае: неясные перспективы

В Казахстане все это переплетается с фоном китаефобии, которая является наследием советско-китайского конфликта и подпитывается новой конкуренцией между Китаем и США, а также противоречивыми отношениями между Китаем и Россией.

Важно заметить, что китаефобия в Казахстане носит искусственный характер, что наглядно подтверждается валом казахстанских студентов, хлынувших в китайские вузы.

На сегодня в Китае учится порядка 14 тысяч студентов из Казахстана^[1], что сделало КНР второй по привлекательности страной для получения высшего образования. Первое место для молодых казахстанцев пока еще занимает Россия, что связано, во-первых, с общностью языка, а во-вторых, с демографическим спадом в самой России в силу демографической ямы 1990-х. В результате чего российские вузы буквально выкачивают абитуриентов из Казахстана.

Казахстанские студенты отмечают «День Баурсака» в городе Сиань в 2016 году. Фото: kazakh-tv.kz

Если смотреть по сферам, на которых специализируются казахстанские студенты, приезжающие учиться в Китай, то большая часть из них обучается специальностям профиля «китайский язык и культура» или проходят языковые курсы, доля таких студентов составляет более 35%^[2].

Экономическое направление, включающее в себя такие специальности, как «международная торговля», «менеджмент», «мировая экономика и торговля», «финансы» и т.д., занимает еще около трети от общего числа.

Специальности юридического блока изучают около 10% казахстанцев. Среди технических специальностей наши соотечественники предпочитают: «нефтяное дело», «архитектуру», «промышленный дизайн» и другие.

**Сам язык - это лишь входной билет в
начало карьеры китаеведческого
профиля.**

Другое дело, что даже те студенты, которые закончили китайское ВУЗ на самые высшие оценки, не обязательно будут востребованы с этими дипломами в Казахстане. Сам язык - это лишь входной билет в начало карьеры китаеведческого профиля, с ним можно устроиться разве что переводчиком, но и там нужны дополнительные навыки. Кроме того, чтобы работать переводчиком нужен еще и особый склад характера - это если говорить об устных переводах, что касается письменных переводов, то эта деятельность практически никогда не бывает основной и доходной, в 90% случаев это

лишь подработка.

То есть помимо языка, выпускникам нужны еще и актуальные для Казахстана специальные знания и слишком здесь часто встает вопрос о применимости полученного в КНР высшего образования в Казахстане.

Перспективы профессионального китаеведения

В Казахстане нет потребности развития китаеведения политологического характера. Иными словами, нет потребности в специалистах, которые готовили бы стратегии по развитию отношений с Китаем в тех или иных сферах двустороннего взаимодействия. Это связано с жестко авторитарной системой, которая во многом базируется на выработке решений исходя из личного опыта и мнения либо главы государства, либо конкретного лица, принимающего решение в ту или иную минуту.

То есть никаких перспектив, что данная система претерпит изменения не предвидится. Больше того, чиновничий аппарат уже устоялся в своих традициях и системе выработки решений и их реализации. Как правило, научное обоснование или же аналитическая экспертиза занимают последнее место в рамках приоритетов либо отсутствуют полностью. Нужно заметить, что сам по себе экспертный и научно-аналитический пул чиновничьим корпусом рассматривается прежде всего, как инструмент, обслуживающий интересы пропаганды, но уж никак не в качестве «советника» и тем более «watch dog» (сторожевого пса) от общества.

Соответственно, стратегии пишутся в рамках самих министерств, а экспертное сообщество привлекается в лучшем случае для дальнейшей пропаганды выработанных идей.

Этот тезис наглядно подтверждается тем, что несмотря на интенсивное развитие отношений с Китаем и подписание массы договоров и контрактов на государственном уровне, наличие в высших властных коридорах РК людей со знанием китайских реалий, специфики принятия решений и китайского языка – это пока утопия. Более того, в стране так и не создан Институт по Китаю, неоднократно предлагаемый научным сообществом, власти, в принципе, довольно холодно относятся к созданию подобной структуры.

Читайте также: [Китай — это университет, который невозможно окончить](#)

Ведь очевидно, что если такой институт будет создан, то для принятия дальнейших решений придется, как минимум, знакомиться и принимать в расчет рекомендации и выработки данного института, что уже небезопасно для чиновников, если выкладки и принимаемые решения будут идти вразрез с первоначальным планом.

Тем более, что нужно понимать логику чиновничьего сословия левобережья Астаны, которое твердо уверено в собственной, а точнее корпоративной безгрешности, и неспособно воспринимать научное сообщество как хотя бы равных себе. И уж однозначно научное сообщество не является для чиновничьего класса каким-либо авторитетом.

Выводы

Казахстанское китаеведение, живущее, скорее вопреки, чем благодаря государственной политике, за счет обширных контактов с Китаем и больших размеров экономики, выглядит более успешным на фоне других республик региона. Однако, если сравнивать его с российскими показателями, то очевидно, назвать школой несколько разрозненных китаеведов, никак нельзя.

Даже в государственных аналитических структурах специалисты-китаеведы занимаются еще целой кучей других стран. И, как правило, их не больше одного на целую структуру, а в большинстве – их просто нет. Тренда, который свидетельствовал бы об изменении данной тенденции нет и не предвидится. Наиболее вероятный транзит власти – это узбекский или туркменский вариант, при котором не изменится жесткая вертикаль власти, зацикленная на центральной фигуре. Соответственно, стимулов для развития различных точек зрения, академической свободы мысли и слова не предвидится, что естественно не даст возможности сложиться комплексной школе китаеведения.

Вместе с тем будет расти объем практиков, имеющих опыт работы в китайских компаниях, задействованных в экономических процессах, совместных проектах и реальном производстве. Тогда как теория китаеведения будет оставаться в рудиментарной форме.

Читайте далее: [Когда Таджикистан начнёт изучать Китай?](#)

[1] [Почему казахстанские студенты едут на учебу в Китай](#), рассказал консул КНР в Алматы. Vnews.kz.

[2] [Учеба в Китае: чего хотят и что получают наши студенты](#). Zakon.kz.

Данный материал подготовлен в рамках проекта «Giving Voice, Driving Change — from the Borderland to the Steppes Project», реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.